

Н. Н. ПОППЕ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Героический эпос является наиболее богатым видом фольклора бурят-монголов. Этот эпос — не полузабытое наследие далекого прошлого. Нет, он и по сейчас живет полнокровной жизнью, продолжая развиваться.

В настоящее время имеется значительное количество записанных произведений героического эпоса, который, как это можно утверждать на основе имеющихся материалов, распространен у бурят-монголов почти повсеместно: и на крайнем востоке, как например, в местности Хара Шибир Агинского района, и на р. Хилке в Мужор-Шибирском районе, в Хоринском и Селенгинском районах и особенно в районах Иркутской области. Много ценного материала было собрано за последние пятнадцать — двадцать лет. Из этого видно, что эпос и в наши дни продолжает бытовать так же, как и задолго до Октябрьской социалистической революции.

Из собирателей советского периода назову Г. Д. Санжеева, записавшего большое количество ценных эпических произведений у унгинских и окинских бурят, А. К. Богданова, производившего запись у боханских и ольхонских бурят; я сам собирал фольклорный материал у аларских и селенгинских бурят, а также у эхирит-булгатов. Многие записи уже опубликованы, но все же большинство из них лежит еще в рукописях. Переводов на русский язык — очень мало, а из художественно обработанных имеется пока только один перевод И. А. Новикова (Аламжи мэргэн).

Еще хуже обстоит дело с исследовательской работой в области героического эпоса: теоретическая разработка собранного богатого материала почти даже не начата. В то время как по эпосу ойратов имеется прекрасная работа Б. Я. Владимирцова «Монголо-ойратский героический эпос», а по халха-монгольскому — моя работа «Халха-монгольский героический эпос», по бурят-монгольскому эпосу мы располагаем лишь небольшими работами статейного характера, принадлежащими Г. Д. Санжееву. Надо сказать, что Г. Д. Санжеев встал в своих исследованиях на безусловно правильный путь, уделив основное внимание стадильному анализу произведений героического эпоса бурят-монголов. Наблюдения его в этой области должны быть распространены и на пока еще не использованный им материал. Это, с одной стороны, позволит подтвердить правильность ряда его положений, но, вместе с тем, внесет также некоторые коррективы в его предварительные выводы.

В настоящей статье я постараюсь наметить некоторые проблемы в области изучения героического эпоса бурят-монголов.

Чрезвычайно актуальным представляется мне вопрос о сказителе, об активном носителе и исполнителе героического эпоса. К сожалению, нужно сказать, что прежние собиратели оставляли личность исполнителя в тени и никаких данных о нем, за исключением имени, возраста и места жительства, не сообщают. Между тем очень важно было бы выяснить ряд

подробностей из жизни сказителя и прежде всего выяснить вопрос об источниках его творчества, а также, является ли сказитель только передатчиком, только исполнителем или создателем, автором данного произведения. В этой области мне удалось собрать некоторый материал.

В настоящее время в Боханском районе живет известный народный сказитель Аполлон Андреевич Тороев. Вот что я узнал от него об авторстве былин. Тороев начал исполнять былины с семилетнего возраста. Он страстно любил слушать их, когда их исполняли в долгие зимние вечера старики. «Я любил свою родину, свой улус, его жителей и окружающую природу, — говорит Тороев. — Для меня было большим удовольствием наслаждаться сказками, с их чудными героями и героинями. Чем больше я слушал сказок, тем больше чувствовал, что и сам могу быть сказочником. В первый раз я услышал улигер (былину) от своей бабушки по матери. Ей было тогда 60 лет. Она мне рассказала улигер «Алтан Дурай мэргэн». Потом мне рассказывала сестра моей матери Ману Тороева».

Первым сказителем по улусу Шунта слыл также и его дед — Торой Соронов. Был сказителем и прадед Хадай.

Судя по этим сведениям, Тороев является, как выражается он сам, только техническим исполнителем улигера, а не его творцом, хотя, как он говорит, ему приходилось сочинять мелкие улигеры. Тороев сообщает далее, что мелкие произведения в чужом исполнении он запоминает сразу, а более крупные при повторной передаче, иногда только на третий раз. Тороев запоминает улигер в основных чертах. Никаких добавлений или изменений он не допускает, чтобы не испортить сюжета. Но создавать «художественность», как говорит он, приходится.

«Когда обрабатываешь улигер, в смысле обогащения художественного стиля, то он как-то интереснее и красочнее».

Отсюда ясно, что Тороев не простой только «технический исполнитель», как он себя скромно называет, а поэт, которому принадлежит художественное оформление улигера. И Тороев прав, заявляя, что сюжет улигера создавался в течение многих десятков лет. Улигер, конечно, коллективное творчество, он развивался многими поколениями народных сказителей, и каждый сказитель вносил в него свое индивидуальное творчество. Таким образом улигер представляет собою единство коллективного и индивидуального творчества.

Второй вопрос, который нас интересует, — это социальная принадлежность исполнителя. Народ уже ответил на этот вопрос пословицей «үгэйтэй хүн улигэршэ, үнэшэн хүн дууша». «Бедняки бывают сказителями, сироты — певцами». Попытаемся подтвердить это фактами.

Кто наши исполнители произведений героического эпоса?

Среди них были шаманы, простые крестьяне-бедняки и батраки. Совершенно не встречались среди бурят сказители из лам или светских представителей господствующего класса. Наиболее известные мне лично сказители — сплошь представители трудового народа. Таков старик Билядай — рыбак и бондарь на острове Ольхоне, колхозница Намжал в Алари, наконец сам Аполлон Тороев. Родился он в 1896 г. в семье бедняка-батрака и работал с пятилетнего возраста нянькой у кулаков.

«Гнусную эксплуатацию я пережил у купцов-кулаков братьев Трубачевых, Егора, Афанасия и др. На четырнадцатом году после серьезной простуды я лишился зрения. Живя в людях, я веял хлеб, таскал мешки. От скуки научился играть на хуре (скрипке)», — говорит он.

И все другие мне известные сказители — батраки и бедняки в прошлом.

Не подлежит никакому сомнению, что бурятский улигер является подлинно народным творчеством; он создан улигерчинами — лучшими и талантливейшими представителями бурят-монгольского народа, и создан

для трудового народа. Известно, что монгольские князья и другие феодалы иногда держали певцов и сказителей у себя при ставках и оплачивали их. У бурят этого не было, так как не было у них князей. Кулачество же и ламство никаких сказителей не содержало. Народные сказители типа Тороева исполняли свои произведения для народа. После трудового дня, особенно в долгие зимние вечера, собирались обитатели улуса — и старики и дети — в каком-нибудь доме послушать былину о славных героях, являющихся носителями лучших черт бурятского народа.

Если вопрос о сказителе и его аудитории для нас теперь более или менее ясен, то остается еще множество других неясностей, разрешение которых возможно лишь путем изучения содержания героического эпоса.

Как и следовало ожидать заранее, героический эпос бурят-монголов по своему содержанию неоднороден. Это является результатом того, что он создавался в различные периоды общественного развития бурят. Отсюда вывод: почти в каждом эпическом произведении можно вскрыть пласты различной давности. Возьмем к примеру произведение, которое сложилось в том или ином виде, скажем, пятьсот лет тому назад. Оно, естественно, будет содержать в себе, во-первых, элементы значительно более древних времен. Во-вторых, это произведение в течение столетий обросло различными напластованиями, подвергшись художественной обработке сказителей более поздних периодов. Отсюда вытекают известные противоречия в самой идеологической направленности того или иного произведения.

В своей хорошо известной книге «Общественный строй монголов» Б. Я. Владимирцов говорит, что у древних монголов наблюдались пережитки матриархальных отношений (стр. 48). Более подробно он на этом вопросе не останавливался. Эпос бурят-монголов подтверждает это замечание Владимирцова.

В качестве примера можно привести западно-бурятское сказание о шаманке Асуйхан, которая однажды шла по берегу Байкала и увидела быка, с ревом извергавшего из себя пелу. От этого зрелища она забеременела и родила двух сыновей — Бурядай и Хорёдой. Бурядай имел двух сыновей — Эхирит и Булгат, родоначальников двух племен. В этом сказании очень ярко отражается идея, характерная для матриархального общества — вера в свое происхождение от женщины, праматери, чудесным образом зачавшей своих детей.

Анализируя элементы матриархальной идеологии в героическом эпосе бурят-монголов, мы должны в первую очередь обратить наше внимание на эпические произведения, группирующиеся вокруг эпосов «Аламжи мэргэн». Сюда относятся эхиритские былины «Айдурай мэргэн», «Аламжи мэргэн» и аларская былина «Хан Сэксэй мэргэн». Сличая эти три весьма близких друг другу эпических произведения, можно установить, что наиболее примитивной, древней является эхиритская былина «Айдурай мэргэн». Содержание этого произведения сводится к следующему.

Жил-был в старину герой Айдурай мэргэн. Его сестру звали Агу Ногон. Поехал он однажды на охоту, а в пути его погубила старуха-чародейка. Конь героя прибегает домой и сообщает о случившемся его сестре. Та под видом своего убитого брата отправилась добиваться руки дочери небесного хана — Эжэ Мунху хана, которая обладала даром воскрешать мертвых. Преодолев разные препятствия в пути, она достигает хана и остается победительницей во всех состязаниях с другими искателями руки царевны. После свадьбы мнимый муж везет молодую домой, но по дороге опережает ее, кладет тело мертвого брата на постель, а сам скрывается. Царевна воскрешает павшего героя. Тот едет на охоту и встречает свою сестру, принявшую вид оленя. По его настоянию она снова превращается в человека.

Записанная мною аларская былина «Хан Сэксэй мэргэн» слегка отличается от приведенной тем, что убийцей является мачеха героя. В известной советскому читателю былине «Аламжи мэргэн», переведенной на русский язык И. А. Новиковым, содержатся новые варианты: убийцами героя являются двое его дядей по отцу — Шара Зутан и Хара Зутан. Они убивают его, чтобы завладеть имуществом. Этот вариант несомненно относится к более позднему периоду, ибо сказитель мотивирует убийство уже материальными побуждениями, которые приводят к такого рода преступлениям в новое время при изменившихся жизненных условиях. Но любопытно все же одно, что убийцами являются дяди по отцу: они определенно называются Хара Зутан абага и Шара Зутан абага.

Таким образом перед нами несомненно очень древнее эпическое произведение, отражающее до известной степени идеологию матриархального общества: фактическим героем былины является женщина, а не мужчина. Воскресительницей богатыря является тоже женщина — небесная царевна.

Идя дальше, мы можем установить, что у западных бурят сохранились до настоящего времени эпические произведения, по содержанию резко отличающиеся от приведенных былин, но вместе с тем имеющие с ними то общее, что и в них главным героем является женщина. Такими являются две небольшие былинки, записанные в свое время Г. Д. Санжеевым у унгинских бурят: «Алак Булак басаган» и «Эрэк Дурэк басаган».

Краткое содержание первой из них сводится к следующему: жила-была девушка Алак Булак. Однажды приходит к ней пятнадцатиголовый мангатхай Атурай Шара. Он хочет жениться на ней. Она отказывается. Мангатхай вызывает ее на поединок. Девушка принимает вызов, побеждает его, убивает, а труп сжигает. Близкой по содержанию является и вторая из упомянутых былин.

Эпическое произведение «Алак Булак басаган» представляет весьма интересный образец пережиточного матриархального эпоса: здесь кроме девушки Алак Булак и ее противника вообще нет других действующих лиц. Интересен факт поединка девушки и искателя ее руки и тот факт, что она отвергает его предложение, в то время как в патриархальном родовом обществе согласие девушки на брак вообще не испрашивалось. Эта былина весьма далека по своей общей направленности от обычаев бурятского общества исторического периода, т. е. начиная с XIV ст.

Изучение разных бурят-монгольских героико-эпических произведений позволяет проследить, как постепенно менялось положение женщины в обществе. В приведенных образцах фактическим героем является женщина. Но постепенно главенствующая роль переходит к герою-мужчине. Однако и здесь женщина еще не сходит со сцены: хотя героические поступки совершает витязь-мужчина, его спасительницей и воскресительницей является опять-таки женщина, дочь небесного хана.

К образцам таких произведений следует отнести хоринскую былинку «Эрелдэй эзэн богдо мэргэн хан». В ней говорится, что героя Эрхэ Нойон Ширбе убили родные братья, чтобы завладеть его имуществом. Однако верный конь его привез дочь небожителя Хурмусты. Она воскресила павшего героя и вышла за него замуж. Если в этом произведении героем является мужчина, то все же от смерти его спасает и здесь женщина, правда, не его сестра и не земная, а небесная девушка.

Наконец, можно проследить, как в патриархально-родовом и в феодальном эпосе врагом героя становится его жена. Примером такого произведения может служить хоринская былина «Лодой мэргэн», в которой рассказывается, как в отсутствие героя его жена сходится с врагом его и помогает ему убить Лодоя. Но и здесь верный конь привозит опять-таки небесную красавицу, которая оживляет героя. Тот женится на ней и едет

мстить жене и ее любовнику. Этого рода произведения отражают уже идеологию патриархального общества, в котором жены всегда являлись чужеродками, поскольку бурятские роды были экзогамными. Добытая путем купли или умыкания жена не всегда любила своего мужа. Такого рода произведений, однако, немного: среди западных бурят нам известна лишь одна большая эпопея «Ирэнсэй», в которой рассказывается, что Ирэнсэя убила его жена, ставшая любовницей мангатхая. Обычно же, и притом очень часто, изменяет не жена героя, а жена его противника — многоголового мангатхая. Она оказывается тоже небесной красавицей, похищенной мангатхаем. Когда герой является сражаться со своим противником, она помогает герою победить и убить своего мужа.

И тот эпос, который мы условно называем матриархальным, и тот, который мы, также с оговорками, называем патриархальным, характерны тем, что борьба между героем и его противником либо происходит за обладание женой, либо мотивируется просто злокозненностью врага, каковым часто оказывается или злая старуха или многоголовый мангатхай. Герой обычно рисуется не как нападающая сторона, а как защищающаяся. Когда же он в процессе борьбы с врагом убивает противника, то с почестями его хоронит и даже не присваивает его имущества.

Совершенно иную картину мы видим, изучая эпос, в значительной степени пропитанный идеологией феодального общества. Борьба здесь вызывается стремлением противника героя завладеть его имуществом, подданными, страной. Так, например, в аларской былине «Еремей богдо хан» на героя нападает мангатхай. Он уводит в плен не только самого хана, но и его людей, а также забирает скот. В былине хоринских бурят «Эрелдэй эзен богдо хан» братья убивают героя с целью захватить царство. Чрезвычайно интересно отражение в былинах феодальных войн. Очень часто мы узнаем, что, выдавая замуж свою дочь за героя, хан ставит условием, чтобы зять предварительно разбил его врага и покорил царство последнего: в этом можно усмотреть отражение истинного положения вещей в феодальном обществе, когда тот или другой крупный феодал покорял менее могущественных при помощи своих вассалов. При этом вассал крепче привязывался к своему сеньору родственными узами.

Небезынтересен факт несомненной связи бурят-монгольского героического эпоса с шаманством, которое до последних лет было сильно распространено в ряде районов, населенных бурятами. Не вдаваясь в подробное рассмотрение бурят-монгольского шаманства, укажу лишь, что существует совершенно особая шаманская поэзия. Торжественные гимны в честь шаманских божеств и героев-полубогов, напоминающих до некоторой степени героев античной мифологии, — вот основная тема этих произведений. Кроме богов, таких как Эсэгэ Малан (верховное божество), Хан Ата тэнгри, Хан Хиһан тэнгри и др., шаманский пантеон состоит из множества героев, не являющихся богами-тэнгриями и не причисляемых к ним. Некоторые из них наряду с богами также играют роль в героическом эпосе.

В связи с этим следует заметить, что буддизм никакого влияния на эпическое творчество бурят-монголов не оказал. В нем нельзя заметить даже поверхностного налета буддизма, не говоря уже о том, что содержание улигеров никакими буддийскими элементами не характеризуется. Это и вполне понятно. Начав распространяться с конца XVII века, буддизм успел проникнуть глубоко в жизнь и быт лишь восточных бурят, а западные буряты буддизма почти не знали.

Говоря о роли шаманских божеств в эпосе, укажем на таких, как Эсэгэ Малан, дочери которого оживляют героя; Хухудэй мэргэн — бог грома и молнии, у которого хранится душа героя; старуха Зарлик Саган — жена Заян Саган тэнгриа, раскрывающая хитрость мангатхая, являюще-

гося под видом героя на небо для того, чтобы похитить душу героя. Наконец, значительное место в эпосе отводится такому божеству; как Хан Ширгай Нойон. Он считается главой 99 западных божеств и руководит деятельностью шаманов. В его доме играет свадьбу герой былины Мэньэлтэ мэргэн—Мер мэргэн.

Большую роль в эпосе играет также шаманское дерево — исполинская осина. Листья правой ее стороны имеют золотистый цвет, а левой — серебристый. Дерево это растет у незамерзающего озера Энен и у холма Куй болдок — местопребывания главного божества шаманского пантеона — Эсэгэ Малана. Обычно листья этого дерева употребляются одним героем для оживления других, а иногда для оживления его самого небесной красавицей. Под сенью этого дерева растут и становятся богатырями Алтанай и Мер мэргэн — сыновья Мэньэлтэ мэргэна — героя хоринской былины с тем же названием. На одной стороне этого дерева висят налучье и колчан и здесь же находятся души мужчин. На другой стороне висят игла и наперсток и находятся души женщин. Ветвь этого дерева служит оружием герою былины Шибжэнэй, причем особенностью этой ветви является то, что она, как бумеранг, возвращается к герою каждый раз, когда он ею мечет в противника.

Наконец, что особенно интересно отметить, один из героев бурятского героического эпоса обладает всеми признаками героя в античном смысле этого слова. Это Гэсэр, герой знаменитой Гэсэриады. Хотя о нем речь будет итти впереди, укажу здесь, что он посылается верховным божеством ханом Хюрмас тэнгри на землю для борьбы с несчастиями и для оказания помощи людям. Дело в том, что глава восточных — враждебных людям — тэнгриев — Ата Улан тэнгри в злобе на то, что он потерпел поражение в споре с главой западных божеств, послал людям разные несчастья. Тогда Хюрмас послал своего сына Гэсэра на борьбу с этими несчастиями.

Мать главных героев былины Мэньэлтэ — Мэнгэлэн носит имя одного из онгонов, т. е. божеств-пенатов шаманистов. Эпитетом этого божества является «мать бурят». Онгоны играют вообще очень большую роль в эпосе. Так, например, герой былины Тумэн Болдор все свои подвиги совершает при непосредственной помощи онгона Модон Галбар, волка и волчицы, составляющих все его имущество.

Быт, рисуемый в эпосе, является бытом шаманистов. Шаманы и шаманки, онгоны, шаманские божества и т. д. играют в эпосе чрезвычайно большую роль. Интересны описания древних шаманских обрядов погребения побежденного врага: около него кладется его же оружие, которое обязательно ломается, и закалывается его конь. Эпос интересен и описанием других обрядов, например, старинного обряда сватовства и свадьбы, состязаний искателей руки невесты и т. п.

В небольшой статье очень трудно дать исчерпывающее представление о всех видах героического эпоса бурят. Поэтому, ограничившись сделанным выше анализом произведений, в которых сохранились некоторые матриархальные элементы, остановлю внимание еще только на двух крупных эпических произведениях — на Гэсэриаде и на Шоно Баторе.

Гэсэриада является одним из наиболее замечательных произведений героического эпоса народов Центральной Азии. Она широко распространена как в Тибете, так и в Монголии, среди разных монгольских народностей, в том числе и среди бурят. Об этом произведении существует ряд теорий: по одним Гэсэриада имеет тибетское, по другим — монгольское происхождение. Не вдаваясь в рассмотрение подробностей, что завело бы нас очень далеко, замечу лишь, что монгольская версия, хорошо известная по ксилографическому изданию 1715 г. времен Кан-си, не является переводом с тибетского языка, хотя некоторые эпизоды ее совпадают с тибетскими версиями, известными по работам миссионера Франке и других лиц.

Как показывает сравнение этих двух версий, монгольская является оригинальным монгольским творчеством на некоторые сюжеты из тибетской Гэсэриады. Поэтому нет никаких оснований считать Гэсэриаду не национальным монгольским эпосом, а только переводом с тибетского. Это вполне оригинальное и самостоятельное произведение, для которого были лишь использованы некоторые сюжеты тибетского Гэсэра. Изданная монгольская версия содержит семь глав. Кроме того имеется на монгольском языке еще восемь неизданных, причем мы не имеем в виду так называемого Линг Гэсэра, тоже неизданного.

Что касается бурятской Гэсэриады, то она широко известна по всей Бурятии. Ее полное заглавие «Гэсэри юэн халаа», т. е. «Девять ветвей Гэсэра». Отметим, что частей или глав в изданной Гэсэриаде 7, а не 9. Однако в разных рукописях известны еще 8-я и 9-я главы монгольской версии, причем эти главы распространены преимущественно среди бурят. Можно полагать, что в Бурятии существовали сборники, содержавшие все 9 глав вместе, откуда и пошло само название «Девять ветвей Гэсэра». Сравнительно недавно были открыты монгольские рукописи, содержащие главы от 8-й до 15-й с пропуском 11-й и 14-й.

Теперь переходим к наиболее важному для нас вопросу — об отношении бурятской устной версии к книжной монгольской. Сравнение их показывает, что они имеют очень мало тождественного. Общие элементы исчерпываются следующими:

1. По книжной версии Гэсэра посылает на землю его отец Хурмушта для того, чтобы он боролся против зла на земле. Когда будущая мать Гэсэра увидела его в виде диковинного существа — получеловека-полуптицы, сидящего на пирамиде-обо, она забеременела. Вскоре у нее рождаются трое детей, выходящие у нее из макушки. Это — три сестры Гэсэра, которые улетают на небо. Затем рождается сам Гэсэр со скрюченной ногой и косым глазом. Мать не хочет такого ребенка, но отец Гэсэра Сэнлэн очень рад ему.

По устной версии Гэсэра посылает на землю его отец Хан Хёрмос. Предварительно Гэсэра убивают, тело его сажают на трон и сохраняют. Это делается для того, чтобы он по окончании своей миссии на земле мог снова воплотиться в свое прежнее тело. Ему дают трех сестер-кукушек. Дух Гэсэра в виде черного ворона спускается с неба на землю. Там он входит в утробу шестидесятилетней старухи Санхалан и в лук семидесятилетнего старика Сэнгэлэн. У старухи рождаются три дочери — сестры Гэсэра, которые улетают на небо. После них рождается Гэсэр в виде уродца с ногами, приросшими к пахам, и с руками, вросшими в подмышки. Мать его — в отчаянии, а отец очень доволен рождением сына.

2. По письменной версии приходит чорт под видом ламы с целью убить Гэсэра. Он пытается поласкать малыша, дать ему пососать кончик языка, а сам тем временем собирается откусить Гэсэру язык и перегрызть ему горло. Но Гэсэр сам откусывает ему язык и убивает его.

По устной версии к Гэсэру приходят шесть хубилганов — воплощений злых духов, под видом молодых парней. Они предлагают родителям вылечить плачущего ребенка, и один из них засовывает ему в рот свой язык. Гэсэр высасывает ему язык с глоткой и убивает этого злого духа. Та же участь постигает и остальных.

3. По письменной и устной версиям прилетает черный ворон, собирающийся выклевать Гэсэру глаза. Тот убивает ворона.

4. По письменной версии Гэсэр женится на дочери Ма Баяна — Ругма. Ругма поражена уродством своего мужа и не показывает его посторонним, но когда приезжают гости, он выходит с висящими из носа двумя сосульками и наклепанными на них зернами пшеницы. Возмущенные гости уезжают.

По устной версии Гэсэр женится, выдав себя за хана Сокто, на дочери Саггай Баян Хана — Санха Гохон. Когда молодая приезжает к Гэсэру, она поражается убожеством его шалаша и отвратительным видом его самого. В довершение всех бед Гэсэр ночью ведет себя в постели нечистоплотно, как маленький ребенок.

5. По письменной версии одна из жен Гэсэра — Ругма изменяет ему и совместно со своим возлюбленным, мангусом, превращает его в осла. При помощи другой жены своей — Аджу мэргэн Гэсэр снова принимает свой нормальный вид.

По устной версии жена Гэсэра — Гагурай Ногон, подбиваемая злой старухой Эрхэ Тайжа, уговаривающей ее выйти замуж за ее сына — мангатхая, просит Гэсэра показать ей свои превращения. Гэсэр превращается в коня. Бросив в него кусок войлока, использованный женщиной в гигиенических целях, она оскверняет его и лишает способности снова превратиться в человека. Впоследствии приходит другая жена Гэсэра — Санха Гохон, смывает с него всю скверну, и он снова принимает свой нормальный вид.

Этим сходство обоих произведений исчерпывается, и в остальном бурятская устная версия не имеет с книжной ничего общего. Основное содержание бурятской Гэсэриады составляет описание борьбы с многоголовыми мангатхаями. При этом любопытен один эпизод, совпадающий с главой из Одиссеи об ослеплении Полифема: Гэсэр под видом глазного врача является к окривевшему мангатхаю, лишает его последнего глаза и, приняв вид мухи, садится на козла, принадлежащего мангатхаю. Мангатхай шарит вокруг себя в поисках Гэсэра, но подвергается все время козел, которого он, обозленный неудачей, выгоняет. Вместе с козлом из шалаша мангатхая выбирается и Гэсэр.

Основой бурятской Гэсэриады являются старинные бурятские улигеры о мангатхаях.

Что касается отрывков из Гэсэриады, опубликованных Потаниным, то в основном они являются пересказом книжной версии, а поэтому для нас интереса не представляют.

Из чего же состоит полная бурятская Гэсэриада, т. е. все девять ветвей ее?

Первая ветвь — это Абай Гэсэр Богдо, огромная эпопея о Гэсэре, состоящая из 10 592 стихов; вторая ветвь — это песнь о старшем сыне Гэсэра — Ошор Богдо; третья — о среднем сыне его Хурин Алтай. Эти три ветви вместе составляют 22 000 стихов. Четвертая ветвь — Унэшэн Хара (старший сын Ошор Богдо, старшего сына Гэсэра). Остальные версии точно не установлены, но сюда относят Алтана Шагай мэргэна, Буху Хара и т. д. Все девять ветвей составили бы вероятно около 100 000 стихов.

Гэсэриада интересна еще в том отношении, что в сущности только вокруг имени Гэсэра сложился цикл героико-эпических произведений. Остальные произведения циклов не образуют и стоят обособленно. В этом отношении Гэсэриада отдаленно напоминает калмыцкий эпос «Джангар», представляющий собою довольно тесно спаянный цикл эпических произведений, ставших почти главами одного произведения. Процесс циклизации устной Гэсэриады не зашел так далеко, как процесс циклизации Джангариады. Тем не менее можно говорить о цикле эпических произведений, в центре которых стоит Гэсэр.

Из эпических произведений большого внимания заслуживают многочисленные предания о Шоно Баторе, чрезвычайно широко распространенные и пользующиеся огромной популярностью.

Произведения эти интересны, между прочим, в том отношении, что среди действующих лиц упоминаются подлинно исторические личности, жившие в XVIII веке.

Шоно Батор — сын Бейле Батора. Он родился, когда его мать стала женой Хон Тайджи. Сын Хон Тайджи—Сэрэн Галдан преследовал его и клеветал на него. В результате Хон Тайжи запирает Шоно Батора в железный амбар и вытягивает из больших пальцев его обеих рук сухожилия.

Однажды Тэмэ Улан Хан прислал семьдесят верблюжьих вьюков иглоков. Никто не мог понять смысл этого. Только Шоно Батор разгадал: Тэмэ Улан Хан своим подарком предупреждает, что у него войска столько, сколько иглоков. После этого Тэмэ Улан пошел войной на Хон Тайжи. Войском последнего командовал Шоно Батор, который и нанес врагу поражение.

После этого Шоно Батор, рассердившись за то, что его искалечили, ушел из Монголии в Россию. Войско Хон Тайжи отправилось за ним в погоню. Завязалась перестрелка, но стрелы гнавшихся не долетали, а стрелы Шоно Батора достигали их. Погоня вернулась ни с чем назад, а Шоно Батор, вместе со своими людьми, достиг России. Впоследствии ему пришлось сражаться с одной старухой-чародейкой. Шоно знал, что в случае, если он ей выстрелит в голову, погибнет хан, а если он выстрелит ей в ноги — погибнет народ. Поэтому он выстрелил ей в туловище и погиб сам.

Кроме этой и другой версии, имеющих в моей записи, существуют записи Потанина.

Сопоставляя все версии, можно установить, что Шоно Батор является не родным сыном Хон Тайджи, сыном которого был Сэрэн Галдан или, что то же, Галдан Цэрэн. Иначе говоря, Хон Тайджи — это вероятно ойратский Цэван Рабдан. У последнего, по историческим данным, был сын по имени Шуно Даба. Упоминаемый в сказании Шударман является не кем иным, как Шидарваном, иначе Цэнгунджабом. Цэнгунджаб был казнен в 1758 г. О Шуно известно, что он в 1723 г. вел успешную войну с казахами. Упоминаемый в сказаниях Амарфанаан — это Амурсана, возглавлявший восстание против власти манджурского императора в 1756 г.

Таким образом сказания о Шоно Баторе — Шуно должны рассматриваться как возникшие под влиянием событий середины XVIII ст.

Сказания о Шоно Баторе заслуживают внимания в том отношении, что в них отчетливо говорится об уходе героя и его людей из Монголии, где они подвергались гнету, в Россию. Следует также отметить самопожертвование героя, стреляющего в середину туловища чародейки и предпочитающего собственную смерть гибели родного народа. Сейчас на сказаниях о Шоно Баторе особенно уместно остановиться по той причине, что все действующие лица сказаний, в том числе сам Шоно, являются ойратами и относятся к тому народу, от которого произошли калмыки. Теперь, когда недавно был юбилей ойратско-калмыцкого эпоса «Джангар», особенный интерес возбуждает отражение некоторых событий из истории братского народа — ойратов и калмыков в героическом эпосе бурят-монголов.